

**ҚАЗАҚСТАНҒА ДЕПОРТАЦИЯЛАНҒАН ХАЛЫҚТАР
ЖӘНЕ АРНАЙЫ ЖЕР АУДАРЫЛҒАНДАР
ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ В КАЗАХСТАН И СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ
DEPORTATION OF PEOPLES TO KAZAKHSTAN AND SPECIAL SETTLERS**

МРНТИ 03.20.00

**РЕЛИГИОЗНОСТЬ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОСНОВАНИЕ
ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ РЕПРЕССИЙ В 1940-1950 ГОДАХ**

Абуов Нурболат Аскерович¹, Картова Зауре Кенесовна^{2*}

¹Кандидат исторических наук, директор Северо-Казахстанского филиала Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова. Казахстан, г. Петропавловск. E-mail: abuovnur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5843-3365>.

²Кандидат исторических наук, декан факультета истории, экономики и права Северо-Казахстанского университета имени М. Козыбаева. Казахстан, г. Петропавловск. E-mail: kartov_m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5702-883>

*Автор-корреспондент

Аннотация. В представленной статье обобщается опыт научно-исследовательской работы по изучению комплекса исторических источников по истории репрессированных народов и конфессиональных групп на территории Северо-Казахстанской области. Актуальность статьи связана с необходимостью введения в научный оборот материалов о религиозности депортированных народов в 1940-1950-е гг. в режиме спецпоселения. В статье продемонстрированы особенности тоталитарного режима, антирелигиозной борьбы в отношении депортированных народов, влияние депортации на формирование скрытой протестности в отношении местных органов власти и советской идеологии. В публикации анализируются нормативные документы, источники из фондов региональных и центральных архивов республики, раскрывающие судьбу депортированных народов и конфессиональных групп в Северо-Казахстанской области. Материал статьи доказывает сохранявшуюся религиозность депортированных народов даже в условиях спецпоселения.

Ключевые слова: репрессии, религиозность, религиозные секты, конфессии, этнические депортации, спецпереселенцы, Северо-Казахстанская область

ҒТАХР 03.20.00

**СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫНЫҢ ДЕПОРТАЦИЯЛАНҒАН
ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ ДІНДАРЛЫҒЫ 1940-1950 ЖЫЛДАРДАҒЫ
ҚҰҒЫН-СҮРГІН ҮШІН НЕГІЗ РЕТІНДЕ**

Абуов Нурболат Аскерович¹, Картова Зауре Кенесовна^{2*}

¹Тарих ғылымдарының кандидаты, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты СҚО филиалының директоры. Қазақстан, Петропавл қ. E-mail: abuovnur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5843-3365>.

²Тарих ғылымдарының кандидаты, М. Қозыбаев ат. Солтүстік Қазақстан университетінің Тарих, экономика және құқық факультетінің деканы. Қазақстан, Петропавл қ. E-mail: kartov_m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5702-883>

*Автор-корреспондент

Аңдатпа. Ұсынылған мақалада Солтүстік Қазақстан облысының аумағында қуғын-сүргінге ұшыраған халықтар мен конфессиялық топтардың тарихы бойынша тарихи дереккөздер кешенін зерделеу жөніндегі ғылыми-зерттеу жұмысының тәжірибесі жинақталады. Мақаланың өзектілігі 1940-1950 жылдары жер аударылған халықтардың діндарлығы туралы

материалдарды ғылыми айналымға енгізу қажеттілігімен байланысты. Мақалада тоталитарлық режимнің ерекшеліктері, депортацияланған халықтарға қарсы дінге қарсы күрес, депортацияның жергілікті билік пен кеңестік идеологияға қатысты жасырын наразылықтың қалыптасуына әсері көрсетілген. Басылымда Солтүстік Қазақстан облысындағы депортацияланған халықтар мен конфессиялық топтардың тағдырын ашатын республиканың өңірлік және Орталық мұрағаттарының қорларынан алынған нормативтік құжаттар, дереккөздер талданады. Мақала материалы арнайы қоныс жағдайында да жер аударылған халықтардың діндарлығын дәлелдейді.

Түйін сөздер: қуғын-сүргін, діндарлық, діни секталар, конфессиялар, этникалық депортациялар, арнайы қоныс аударушылар, Солтүстік Қазақстан облысы.

RSTI 03.20.00

RELIGIOSITY OF THE DEPORTED PEOPLES NORTH KAZAKHSTAN REGION AS A BASIS FOR CARRYING OUT REPRESSIONS IN 1940-1950

Abuov Nurbolat Abuovich¹, Kartova Zauze Kenesovna^{2*}

¹Candidate of historical sciences, Director of the North Kazakhstan branch of the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. Kazakhstan, Petropavlovsk. E-mail: abuovnur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5843-3365>

²Candidate of historical sciences, Dean of the Faculty of History, Economics and Law, M. Kozybayev North Kazakhstan University. Kazakhstan, Petropavlovsk. E-mail: kartov_m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5702-883>

*Corresponding author

Abstract. The presented article summarizes the experience of research work on the study of a complex of historical sources on the history of repressed peoples and confessional groups in the territory of the North Kazakhstan region. The relevance of the article is connected with the need to introduce into scientific circulation materials on the religiosity of the deported peoples in the 1940s and 1950s in the regime of special settlement. The article demonstrates the features of the totalitarian regime, the anti-religious struggle against the deported peoples, the impact of deportation on the formation of hidden protest against local authorities and Soviet ideology. The publication analyzes normative documents, sources from the funds of the regional and central archives of the republic, revealing the fate of the deported peoples and religious groups in the North Kazakhstan region. The material of the article proves the continued religiosity of the deported peoples even in conditions of special settlement.

Key words: repression, religiosity, religious sects, confessions, ethnic deportations, special settlers, North Kazakhstan region.

Введение. Одним из важнейших направлений репрессивной политики в истории советского государства была борьба с религиозностью населения страны, которая привела к уничтожению религиозных учреждений и ликвидации духовенства как социального слоя. Необходимо отметить, что религиозные общины и духовенство играли важную роль в социально-культурной жизни дореволюционного общества Казахстана. К сожалению, с приходом власти большевиков против верующих независимо от их конфессиональной принадлежности начинаются гонения и репрессии, которые вылились в системные репрессии в течение 1920-1950-х гг. Эти репрессии были и в отношении депортированных народов в Северо-Казахстанскую область.

Необходимо отметить, что всю систему религиозных институтов и контингент духовенства большевики рассматривали как идеологических противников, которую необходимо было искоренить. К осуществлению данных репрессий они приступили с приходом к власти и установлением своей диктатуры. Большевики ясно осознавали, что функционирование мечетей, церквей и других религиозных организаций, авторитет служителей религиозного культа будут серьезным препятствием в процессе строительства нового атеистического государства.

Именно поэтому обвинения духовенству выносились по политическим статьям за «контрреволюционную деятельность», а приговоры были в основном расстрелы или длительные сроки заключения в лагерях. Мусульманское, православное духовенство обвиняли в связях с байством и казахскими националистами, кулачеством. Несмотря на искоренение значительной части представителей мусульманского и христианского духовенства в 20-30-е гг. XX в. в Казахстане, репрессии против священнослужителей в СССР продолжались.

История репрессий против религиозных общин и духовенства имела как антигуманную законодательную базу, так и практическую реализацию, которая нашла свое отражение в архивных документах прошедшего времени. Известный британский исследователь Дж. Оруэлл, характеризуя тоталитаризм, отмечал его главную особенность: «Тоталитаризм посягнул на свободу мысли так, как никогда прежде не могли и вообразить... диктуется что именно надлежит думать; создается идеология, которая должна быть принята личностью, норовят управлять ее эмоциями и навязывать ей образ поведения... Тоталитарное государство обязательно старается контролировать мысли и чувства своих подданных, по меньшей мере, столь же действенно, как контролирует их поступки...» (Оруэлл Дж., 1989: 245) Именно контроль за действиями, за свободой мысли, за чувствами «homo soveticus» стал основной задачей репрессивного механизма советского государства. В 1940-1950-е гг. в СССР продолжалась борьба с институтом религиозности населения, методично продвигались ценности советского государства, что подтверждается документами региональных и центральных архивов страны.

В Северо-Казахстанской области архивные материалы относительно репрессивной политики против конфессиональных групп и религиозных деятелей сосредоточены в трех фондах. В фондах СКГА: № 8 Акмолинского губернского административного отдела г. Петропавловска, №195 Петропавловского окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Петропавловска, № 676 Акмолинского губернского революционного трибунала г. Петропавловска, № 1482 Петропавловского уездного революционного комитета, № 1373 Прокуратуры Северо-Казахстанской области Генеральной прокуратуры, № 1247 Петропавловской городской прокуратуры. Это протоколы и дела, посвященные решениям, относящимся к закрытию храмов и ликвидации религиозных объединений, уголовным наказаниям за антисоветскую агитацию и пропаганду, нарушении законов об отделении мечети и церкви от государства и школы от мечети и церкви, распространение заведомо ложных измышлений, порочащих общественный строй СССР, то есть по статьям 56, 130 (в редакции, действовавшей до принятия Закона Казахской ССР от 26 июня 1992 года), 170-1 Уголовного кодекса Казахской ССР.

Значительный массив документов о депортированных народах собран в АП РК. К ним относятся документы с грифом «Особая папка», решения центральных партийных и государственных органов. В нашем исследовании задействованы архивные дела таких фондов АП РК, как: № 708 ЦК Компартии Казахстана, дела из «Особых папок»; № 812 Центрального комитета Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Казахстана. Документы из АП РК наиболее информативны, что позволяет воссоздать агитационно-пропагандистскую, культурно-воспитательную и другие виды деятельности местных органов власти по отношению к депортированным народам.

В ЦГА РК наиболее важная и необходимая информация о спецпереселенцах и их жизни содержится в ЦГА РК в секретной описи ф. 1137, в которой имеются докладные записки, отчеты, планы мероприятий за различные годы по приему спецпереселенцев и деятельности по их обустройству. Таким образом, анализ различных источников в совокупности и их интерпретация в историческом контексте позволяют раскрыть антирелигиозную политику советского государства в отношении депортированных народов на территории Северо-Казахстанской области.

Методология исследования. В основе методологии исследования проблем религиозной политики Советского государства в отношении депортированных народов в Северо-Казахстанскую область лежат основополагающие принципы: научная объективность и историзм. В соответствии с принципом историзма каждое явление анализируется и оценивается нами для формирования объективной картины прошлого с учетом конкретных условий того периода. В исследовании изучены и использованы разные источники которые включает в себя

архивные документы и материалы, а также высказывания представителей депортированных народов, отражающих открытую и латентную протестность спецпоселенцев.

Применение методов анализа и синтеза позволит рассмотреть и охарактеризовать причины репрессий в отношении верующих спецпоселенцев, ареалы их расселения, особенности их правового статуса в Казахстане. Компаративный, или сравнительный метод применялся в работе с источниками для подтверждения или опровержения уже известных фактов и явлений, имевших место в истории Северного Казахстана. Агрегативный метод будет использован с целью сбора фактов из различных источников. Использование широкого круга современной историографической базы исследований по различным аспектам изучаемой темы, подтверждает обоснованность и достоверность выводов и заключений.

Обсуждение. Историографию историй конфессий в СССР и в Казахстане можно хронологически разделить на два периода, это труды советских историков, обществоведов и постсоветские исследования. В советских исследованиях 1950-х, начала 1980-х годов по идеологическим мотивам естественно довлел партийно-классовый подход, который являлся основой для субъективного восприятия исторических процессов, искажал реальные факты или просто замалчивал объективные исторические реалии происходившие в СССР отношении религии и верующих в период сталинизма. В изучении государственно-церковных отношений в СССР представляют интерес работы профессоров З.В. Кануковой, С.А. Хубуловой, С.Р.Чеджемова и других. Необходимо отметить, что основной массив литературы советского периода носил научно-пропагандистский атеистический характер. В период осуществления религиозной политики СССР в ее основе лежала концепция коммунистической партии о несовместимости социализма и религии. В этом смысле церковь и религии в СССР была обречена. Так, в работе Т.А. Чумаченко «Государство, православная церковь, верующие: 1941-1961 гг.» рассматривается история государственно-церковных отношений в СССР. Автор пришел к выводу, что Программа КПСС, принятая на XXII съезде, определила стратегическую установку на полную ликвидацию религиозной жизни в СССР к 1980 г.

В период перестройки с демократизацией общества ситуация в исторической науке стала меняться. В публикациях этого времени появляются новые труды о месте и роли религии в истории страны. Так исследователь М. Чернов впервые обозначил, роль церкви в годы Великой Отечественной Войны (1941-1945), определив ее деятельность на консолидацию советского общества, что привело к улучшению государственно-церковных отношений. В 1989 г. в сборнике статей «На пути к свободе совести», исследователь Фурман Д.Е., отмечает, что при И.Сталине в годы войны произошло значительное улучшение положения церкви, а в эпоху «оттепели» Н.С. Хрущева, наоборот начались новые гонения на верующих.

После распада СССР исследование государственно-церковных отношений в СССР, в том числе в истории депортированных народов стало предметом изучения историков постсоветского пространства. Многочисленные публикации ученых посвящены различным аспектам истории депортированных народов это публикации Н.Ф. Бугая, А.М. Гонов, Х.М. Ибрагимбеи, З. Шахбиева А. Германа, Л. Белковца, В. Бруля, Т. Иларионовой, Т. Чебыкиной, Т. Черновой, О.А. Лиценбергер и других. Данные исследования посвящены процессу депортации, участию этносов в трудовой армии, состоянию религиозности этих этносов в условиях спецпоселения. Ученые СНГ, освободившиеся от идеологического давления, приступили к объективной реконструкции истории взаимоотношений государства и церкви, положения верующих в истории Советского государства. Так, например М.В. Шкаровский впервые в российской историографии рассмотрел формы и масштаб репрессивных акций по отношению к духовенству, а также проблемы так называемого «религиозного сопротивления в СССР».

В нашей республике попытку провести определенную черту в исследованиях по истории депортированных народов предприняли ряд ведущих отечественных историков: М.К. Козыбаев, М.Т. Баймаханов, К.С. Алдажуманов, Ж.Б. Абылхожин, Г.В. Кан и др. Комплекс проведенных работ в 90-е гг. XX века сыграл положительную роль в подготовке и реализации дальнейших исследований историков. Конец 1990-х гг. и начало XXI века ознаменовались в республике новым витком исследований, которые отличались от ранее проведенных привлечением новых источников, изучением малоизвестных аспектов истории депортированных народов. Свой вклад в изучение этой темы внесли Кыдыралина Ж.У.,

Ярочкина Е.В., Шотбакова Л.К., Кукушкина А.Р., Шаймаханова С.Д., Сулейменова М.Ж., Калыбекова М.Ч. и другие

Многочисленные публикации истории депортированных немцев, условиям жизни спецпоселенцев в Восточно-Казахстанской области, разрушение религиозного уклада жизни немецкого населения вследствие депортации посвятила Бургарт Л.А. В связи с возрождением духовных ценностей в исследованиях истории депортированных немцев и поляков активно разрабатываются вопросы репрессий против духовенства, изучается его деятельность в условиях советского государства. Большой интерес для изучения религиозных протестных настроений депортированных немцев представляют статьи Я.Ф. Трофимова и В.Г. Фаст и других.

Следует отметить, отечественные, российские и другие зарубежные историки добились серьезных успехов в изучении государственно-церковных отношений в СССР, однако эту работа еще далека от своего завершения. Ученым республики еще предстоит большая работа по проведению исследований на региональном уровне, которые позволят выявить черты общего и особенного в проведении депортаций народов, осуществлении по отношению к ним карательного механизма государства, в том числе и в рамках антирелигиозной политики в СССР.

Результаты исследования. Депортированные народы, являясь репрессированной категорией граждан СССР по этническому признаку, ощутили на себе целый комплекс запретов и наказаний в местах своей высылки. Одним из направлений репрессивной политики советского государства в их отношении была борьба с инакомыслием, в том числе и с их религиозностью, посредством укрепления в их среде советской идеологии. Тем не менее, депортированные народы на спецпоселении стремились передать имеющийся этнокультурный опыт своим детям, стараясь, чтобы они не были оторваны от тех духовных ценностей, на которых они воспитывались сами. Эти народы, потерявшие свою родину, родственников, имущество, опасались того, что их дети могут быть настроены идеями советской власти против них самих, поэтому запрещали им вступать в комсомольские и пионерские организации, препятствовали посещению школ. Взамен советской идеологии спецпоселенцы старались противопоставить религию, которая для депортированных народов была духовной опорой, помогавшей многим из них пережить тяжелые годы спецпоселения.

Следует отметить, что в годы Великой Отечественной войны, учитывая настроения людей, моральную и материальную помощь церкви советского государства, правительством страны были осуществлены уступки по отношению к верующим. «В 1943 г. советский режим легализовал религиозные объединения на всей территории СССР. Легализация была частичной, она коснулась в крайне ограниченных масштабах Ислама, Православия, Баптизма» (Фаст 2004: 130) Другим действием по смягчению отношения к религии стало постановление СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий» от 19 ноября 1944 г. Данное постановление послужило началом открытия новых молитвенных домов и в Северном Казахстане. В результате на территории Северного Казахстана в конце 1945 г. число открытых молитвенных домов было 9, к 1946 г. – уже 28, а в 1947 г. их численность составила 31 (ЦГА РК, 239: 69). Для сравнения в СКГА есть документ, согласно которому в довоенный период в районах Северо-Казахстанской области было закрыто 138 храмов и молитвенных домов и это без учета мечетей мусульман (СКГА, 87: 433-435). Все эти здания храмов, мечетей и молитвенных домов в конце 1920-х в начале 1930-х гг. передавались под школы, дома культуры, «красные уголки» и т.п. Данные цифры констатируют масштабность борьбы советской власти с религиозными учреждениями и деятельностью духовенства существовавших конфессий на территории Северо-Казахстанской области.

Частичная легализация деятельности в сфере религии, увеличение молитвенных домов усиливало влияние священно служителей оставшихся на свободе среди населения. Необходимо отметить, что самые активные из них начинали заниматься не только проведением религиозных обрядов в узком кругу, но и переходили к антисоветской агитации. Так в среде депортированных народов в ряде сел религиозные культы осуществляли незарегистрированные священники. Один из них, В. Прокофьев, живший в селе Ново-Сухотино Красноармейского района Кокчетавской области, вел антисоветскую агитацию среди верующих католиков и лютеран. За свои действия В. Прокофьев был арестован органами МВД (ЦГА РК, 239: 72). В тоталитарном государстве, где господствовала советская идеология, не могли допустить

распространения другой альтернативной мысли, управляющей сознанием людей. Происходившие в обществе социальные процессы строго контролировались властями, а то, что не вписывалось в их партийные установки, рассматривалось как антисоветская агитация и жестко пресекалось. Тем не менее уже в начале 1950-х гг. местные органы власти констатировали активное вовлечение спецпоселенцев в различные религиозные секты.

Местные органы власти, обеспокоенные ростом религиозных учреждений, начинают свертывать политику по смягчению отношений с церковью. В Казахстане это вылилось в борьбу с религиозными сектами в среде спецпоселенцев. Следует отметить, что государство оставило за собой право признать существование контролируемых религий: православие и ислам. Все другие религиозные общины и секты, формируемые по национальному признаку, оказались вне закона.

Характеризуя религиозность и стремление сохранить свою веру среди спецпоселенцев, следует отметить, что наиболее религиозные воззрения были сильны у спецпоселенцев-немцев и поляков, в среде которых существовали религиозные секты. Развитие религиозности спецпоселенцев в виде сектантства было вызвано тем, что официально эти конфессии лютеран, баптистов, меннонитов были запрещены, в условиях спецпоселения они существовали нелегально.

Большинство сект представляло собой сборища людей, которые собирались в различных домах спецпоселенцев и совершали религиозные обряды. В справке по Чкаловскому району о спецпоселенцах от 10 декабря 1952 г. отмечалось, что наряду с религиозными обрядами секты проводят антисоветскую агитацию. «Так, в 1951 г. в селе Калиновка была ликвидирована религиозная группа, руководимая Шульц Адольфом и Вольским Вильгельмом, которые собирали для религиозных обрядов до 30-40 чел., а один раз вывели колхозников на кладбище для молебства в составе 400 чел. Организаторы арестованы и привлечены к уголовной ответственности по ст. 58 УК РСФСР... Такие религиозные группы имеются в каждом спецпоселенческом пункте и оказывают соответствующее влияние на молодежь, на отрыв от общественной жизни на селе и вовлекают их в религиозные секты, которые также принимают участие в сборищах» (АП РК, 54:153-154). Сложно определить, стоит ли признавать большинство религиозных объединений спецпоселенцев действительно сектами, угрожавшими здоровью людей, или же это были обычные общины верующих, пытавшиеся сохранить свои этнокультурные традиции. Однако именно такой подход и такие названия фигурируют в документах того времени. Негативное отношение советской власти к религии, стремление «очернить», подчеркнуть «деструктивную деятельность» священнослужителей ставилось во главу угла, являясь характерной чертой того периода. В то же время эти организации не могли быть каким-либо мощным оплотом сопротивления советской власти и идеологии, так как в связи с прошедшими репрессиями в 1920-1930 гг., против духовенства многие проповедники и священнослужители погибли или находились в лагерях (Лиценбергер, 1999: 202; Эйхельберг 1999: 214).

Массовые репрессии духовенства привели к образованию религиозного вакуума, духовному обнищанию верующих. В результате этих репрессий в советском обществе появилось поколение, воспитываемое в советском, атеистическом духе, которое противопоставлялось этнокультурным традициям родителей. Старшее поколение верующих спецпоселенцев воспринимало это как вызов. Именно они взяли на себя роль религиозных проповедников, хотя большинство из них не имело специального духовного образования. Главная цель, которую они преследовали, - это сохранение духовных ценностей своего народа.

Несмотря на запреты властей, значительное число спецпоселенцев-немцев и поляков, проживавших в ряде районов Кокчетавской области, активно участвовало в религиозных общинах и сектах. Определить численное вовлечение спецпоселенцев в секты очень сложно, так как многие скрывали свое отношение к религии, но следует предположить, что в них входили жители сел, в которых компактно проживали спецпоселенцы. В справке «О состоянии политико-воспитательной работы среди спецпоселенцев Кокчетавской области» были отмечены следующие села: Златополье Щучинского района; Айдабул, Дороговка, Карашилино, Мало-Пахтинское, лесхоз Зерендинского района; с. Ясная Поляна, Донецкое, Калиновка, Зеленый Гай Чкаловского района; с. Южное, Богодуховка, Леонидовка Келлеровского района; с. Зауральное Энбекшильдерского района; колхоз им. Тельмана Кзыл-Тусского района, - в

которых вовлечение молодежи и детей в религиозные секты носило активный характер (АП РК, 349:3-4).

Секты были представлены различными ответвлениями христианства. На территории области были отмечены секты лютеран, баптистов и меннонитов. Но все эти секты объединяло глубокое убеждение в том, что народу нужны духовные ценности предков, а небездушная и безбожная идеология коммунистов. По мере своих сил, несмотря на угрожающие репрессии, недостаток ритуальной утвари, средств и литературы, проповедники старались объединить верующих в общины. В городе Щучинске функционировала нелегальная лютеранская церковь, организаторами которой были два пожилых человека. Был выбран церковный совет, ревизионная комиссия, арендован специальный дом-молебен. Сектанты, помимо соборщ, вели активную работу с населением, посещали соседние села, поддерживали связь с другими сектантами. Так, сектанты из с. Леонидовка Келлеровского района посещали сектантов с. Таинча Красноармейского района (АП РК, 349:3-4).

Деятельность сект шла вразрез с идеологией советской власти, поэтому трения между этими структурами были неизбежны. Сами главы сект осуществляли свою деятельность в большинстве случаев нелегально и открыто не предъявляли какие-либо требования. С привлечением в общины верующих они стремились осуществлять в полном объеме свои нормы и установки, исходившие из религиозных постулатов. Все это приводило к тому, что спецпоселенцы отказывались от работы в воскресные дни и дни религиозных праздников. Исходя из этих посылов, верующие для местных органов власти выступали как люди, саботирующие народно-хозяйственную деятельность.

Привлечение детей и молодежи в секты, активное обсуждение недостатков советского строя верующими не могли не вызвать репрессивных мер по отношению к их руководителям и простым верующим. Основной мерой наказания в то время было 25 лет лагерей плюс 5 лет лишения в правах. «Большинство осужденных по 58 статье и ее республиканским аналогам баптистов и меннонитов со всей страны в этом случае попадали в особлаги, в том числе многие в Степлаг и Луглаг, расположенные в Карагандинской области» (Фаст 2004:137). Вся политика государства была направлена на формирование общности «советский народ» и русификацию депортированных народов. Религиозность депортированных народов рассматривалась как серьезное препятствие на этом пути. Комсомольская, коммунистическая организации, советские органы власти создавали вокруг верующих спецпоселенцев нетерпимую обстановку. Методом идеологического прессинга местные органы власти добивались прекращения участия спецпоселенцев в религиозных собраниях и сектах. Однако верующие от открытых коллективных богослужений переходили к индивидуальным собраниям небольшими группами на квартирах. Следует отметить, что протестные настроения, выражаемые с помощью проведения религиозных обрядов, осуждения советского образа жизни, были самыми распространенными в среде спецпоселенцев. Навязывание советской идеологии, гонения на религию вызывали возмущение спецпоселенцев и приводили к следующим высказываниям.

Вот некоторые из них: «Спецпоселенец-немец Клят Роберт Иванович, проживающий в с. Богодуховка Келлеровского района, проводит активную антисоветскую работу путём отправления религиозных обрядов. Так, например, в апреле с. г. на религиозном сборище, где присутствовало около 35 человек, Клят обратился к присутствующим со следующим призывом: «Нам нужно всем верить в бога и молиться, чтобы бог помог нам. Не следует подчиняться начальству, коменданту, представителю колхоза, тогда не будет коммунизма. Скоро не будет советской власти, а будет другая власть. Нужно привлекать всё остальное население ходить молиться богу»; «Спецпоселенка-немка Гауфлер Алиса Ивановна, 1892 г. рождения, проживающая в селе Ясная Поляна Чкаловского района, свои антисоветские настроения проявляет путём проведения антисоветских религиозных соборщ, на которых высказывает: «Скоро придёт время, когда бог пошлёт отравляющие вещества, от которых будут задыхаться те молодые люди, которые в настоящее время ходят в кино, танцуют в клубе, пудрятся душистой пудрой, делают на волосах завивки и не признают бога» (АП РК, 54:131) «Спецпоселенец-поляк Андриевский Петр, проживающий в с. Дмитриевке Келлеровского района, на одном из религиозных соборщ агитировал присутствующих: «В дни воскресенья и другие праздники работать не надо, это большой грех. Сейчас наша задача – убедить народ,

чтобы он верил в бога и соблюдал религию. Особенно нам нужно уделять внимание молодежи, привлекать ее к богомолению» (АП РК, 54:133).

Спецпоселенцы с Северного Кавказа также высказывали подобные мнения. «Рабочий ст. Таинча Красноармейского района, спецпоселенец-ингуш Зильбухаров Яхъят среди верующих ингушей распространяет следующие провокационные слухи: «По Корану сказано, что советская власть долго существовать не будет, так как в Советском Союзе проживают такие люди, которые недовольны советским строем, кроме этого, капиталистические страны засылают в СССР своих шпионов, которые совместно будут проводить агитацию, и впоследствии в СССР поднимется восстание, которое свергнет советскую власть с помощью других капиталистических стран» (АП РК, 54:134). Многие высказывания этих людей были с большой долей вымыслов, но в целом отражали их чаяния на скорое освобождение. Высказывания спецпоселенцев четко фиксировались органами МВД и по отношению к самым активным противникам советского строя применялись меры по их удалению из среды спецпоселенцев. В то же время высказывания спецпоселенцев говорят об упадке их моральных сил, ожидания помощи или от капиталистических стран, или от Бога, неверили в справедливость советского государства.

В то же время в ряде районов в среде чеченцев и ингушей также было зафиксировано наличие нескольких сект. В справке «О состоянии политико-воспитательной работы среди спецпоселенцев Кокчетавской области» было отмечено, что среди чеченцев и ингушей распространены секты: «Кунта-хаджи», «Денишейх», реакционной секта «Батал-Хаджи». Сборы секты «Кунта-Хаджи» регулярно проводятся в селах: Гавриловке, Андреевке, Рузаевского района; Арык-Балыке, Тахтаброде Арык-Балыкского района; в колхозе «Украинский пахарь» Энбекшильдерского района, в городе Щучинске и Кокчетаве.

Наряду с проведением религиозных соборщ всячески культивируют родовые пережитки. Среди молодежи есть враждебно настроенные, стремящиеся к созданию национальных групп (АП РК, 349: 4)

Стремление объединиться на религиозной основе чеченцев и ингушей в Кокчетавской области встречало массу проблем из-за их дисперсного проживания и строгого режима спецпоселения. В силу этих обстоятельств религиозные и этнические традиции концентрировались у них в семьях, а не в общинах. В среде чеченцев и ингушей преобладало латентное сопротивление советской идеологии, которое выражалось в запретах членам семьи учиться, особенно девочкам, ходить в кино, клубы, вступать в комсомол и т.п. Во многих отчетах районов Кокчетавской области отмечались обособленность и характерные «феодално-родовые» пережитки чеченцев и ингушей. Необходимо подчеркнуть, что определенная доля высказываний немцев, поляков, чеченцев во многом связана с их ментальностью. В первую очередь, все эти народы стремились сохранить себя как этносоциальную общность.

«И в самом деле, к чему, как не к религии, могли апеллировать депортированные народы, ведь власть их поставила в положение париев. Культурно-просветительская работа полностью прекратилась - ни газет, ни книг, ни кинофильмов на родном языке. Все это создавало исключительно благоприятные условия для усиления религиозного воздействия, которое исторически было в определенной мере и антирусским, и антисоветским. Религия же была хранилищем вековых традиций и обычаев» (Некрич, 1978: 129).

Оппонирование к власти с позиции религии было не единственным направлением, характеризующим протестные настроения спецпоселенцев. Радикальная часть спецпоселенцев была возмущена не только состоявшейся самой депортацией, но и несправедливостью и тяжелыми условиями жизни на спецпоселении. Однако власти пытались этого не замечать. В справке «О работе среди спецпоселенцев по Кокчетавской области за 1952 г.» политические настроения спецпоселенцев характеризовались следующими фактами: «За 1952 г. за активную антисоветскую работу, выражавшуюся в высказываниях против советского государства и отдельных проводимых мероприятиях, привлечено к уголовной ответственности 30 человек. Антисоветские проявления не имеют широкой и открытой формы проявления, о чем говорят такие факты, что антисоветскую деятельность проводят отдельные лица» (АП РК, 54: 66).

Негативное отношение к советской политической системе определенной части депортированных народов становится понятным, если учитывать то, что до высылки старшее поколение спецпоселенцев застало время царской России, в которой жило по другим

социально-экономическим и политическим законам. Эта часть населения жила ностальгией по старому времени и освобождению из спецпоселения. Выселенные с приграничных территорий СССР спецпоселенцы знали о политических противоречиях с капиталистическими странами. Часть депортированных связывала свое освобождение из спецпоселения в результате с поражением СССР в войне с США, Англией.

Большая часть спецпоселенцев тяжело воспринимала процесс выселения. Имевшие свою национальную автономию немцы и народы Кавказа затаили обиду на руководство страны, лишившее их этой формы государственности. Принятые этими народами советские законы нарушались, деформировались в угоду отдельным лидерам коммунистической партии, узурпировавшим власть в стране. Советское государство, продекларировав равенство народов и республик, в тоже время легко разрушало государственность отдельных народов вследствие их «неблагонадежности». В итоге политическое религиозное, сознание спецпоселенцев из-за проведенных репрессий было подвергнуто серьезной ломке. Трансформация их положения из политически дееспособных граждан в лиц, имеющих формальное право голоса, унижала достоинство спецпоселенцев, вызывала обиду и возмущение

Заключение. За короткое время в Казахстан было депортировано более миллиона человек, что сделало его многонациональной республикой. Тоталитарное государство насильственными методами сделало соседями людей разных культур и конфессий. Целью таких переселений была ликвидация национальной самобытности народов, религиозности населения СССР, которая рассматривалась как серьезное препятствие на пути социалистического строительства. Поэтому последовательно упразднялись национальные автономии, размывалась национальная культура, по сути искоренялись религии народов. В тоже время насильно прививался пролетарский интернационализм, насаждались советские ценности на всем протяжении существования СССР.

Анализ документов, касающихся прав и обязанностей спецпоселенцев и фактов из их жизни, позволяет нам фиксировать нарушения не только их экономических, но и социальных политических прав. Тон в работе местных органов власти со всеми спецпоселенцами задавали те постановления, по которым депортировали народы и устанавливали их статус.

Анализ агитационно-пропагандистской работы местных органов власти за годы спецпоселения позволяет нам утверждать, что они жестко следили за общественно-политическими настроениями депортированных народов, проводили политику привлечения представителей спецпоселенцев в партийные и комсомольские структуры, способствовали их русификации, подавляли национальные и религиозные традиции. Идеологическое давление властей вызывало недовольство депортированных народов, рост протестных настроений, что выражалось в побегах, жалобах на неправомерные действия представителей власти. Не найдя понимания у местных властей, у большинства спецпоселенцев формировались латентные протестные настроения, проявлением чего становились «антисоветские высказывания», которые озвучивались в узком кругу родных. В послевоенные годы протестные настроения стали принимать более организованные формы в виде религиозного сектанства. Однако простых верующих продолжали обвинять в поддержке не многочисленной категории священнослужителей, в хранении и чтении религиозной литературы. Антирелигиозная политика сформировавшаяся в 1920-1930-е гг. продолжала исполняться местными органами власти, а незначительная активизация деятельности духовенства практически сразу становилось основанием для уголовного преследования.

Долгие годы жизни депортированных народов в условиях тоталитарного режима привели к моральной усталости большинства спецпоселенцев. Большая часть депортированных людей, не адаптировавшись к местным условиям, все еще находилась в маргинальном состоянии. Многие из них в послевоенные годы открыто или латентно высказывали свой протест установленному режиму, отсутствию возможности передавать свой этнокультурный опыт подрастающему поколению. Режим спецпоселения способствовал размыванию национальных традиций, а морально-психологическое давление советской власти прививало спецпоселенцам чувство вины, неполноценности.

Годы спецпоселения стали для многих этносов, оказавшихся в Казахстане, проверкой на способность выдержать удар судьбы, сопротивляться тирании государства и сохранить свою этничность. Общие условия режима вызвали у депортированных солидарность,

немаловажным элементом в их консолидации была религия, культурные ценности и праздники. Документы о депортированных народах показывают примеры их самоотверженного труда, значение их трудового вклада в развитие сельского хозяйства региона огромно, однако это практически ни как не влияло на реализацию их прав, в том числе и в свободе вероисповедания.

В период спецпоселения этими народами был приобретен опыт мирного сосуществования, произведена переоценка многих человеческих ценностей. Депортированные народы поняли, что местное население в своем большинстве не поддерживает политику государства и по мере сил старается помочь невинным людям.

Данная политика имела тяжелые последствия не только для выселенных народов, но и для казахов. В итоге Казахстан стал местом, где через череду конфликтов, а затем и установление добрососедских отношений нивелировались культурные различия этносов, строился единый советский народ и религии этих народов должны были быть преданы забвению.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта OR11465470 «Массовые политические репрессии в Казахстане в 20-50-х гг. XX в. и процессы реабилитации: создание единой базы данных» при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Список литературы и источников:

- Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 16/2. Д. 54.
АП РК. Ф. 812. Оп. 19. Д. 349.
Лиценбергер О. Репрессии против лютеранских и католических священнослужителей в СССР. С. 200-211. // Репрессии против российских немцев: Наказанный народ. / Сост. И.Л. Щербакова. М.: Звенья, 1999. 288 с.
Некрич А.М. Наказанные народы. / А.М. Некрич. Нью-Йорк: Хроника, 1978. 170 с.
Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет: Пер. с англ. / Сост. В.С. Муравьев; Предисл. А.М. Зверева; Коммент. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1989. 384 с.
Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА). Ф. 195. Оп. 1. Д. 87.
Фаст В.Г. Вера за колючей проволокой: Богослужение верующих евангельских течений в сталинское время в Карагандинской области на «воле» и «зоне». С. 130-141 // Памяти жертв политических репрессий. Материалы научно практической конференции. Караганда, 2004. 253 с.
Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 1137. Оп. 18 с. Д. 239
Эйхельберг Е. Преследование по религиозным причинам немцев Тюменской области. С. 211-237. // Репрессии против российских немцев: Наказанный народ. / Сост. И.Л. Щербакова. М.: Звенья, 1999. 288 с.

References

- Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). F. 708, In. 16/2. C. 54.
AP RK F. 812, In. 19, C. 349.
Eichelberg Ye. Presledovaniye po religioznym prichinam nemtsev Tiumenskoy oblasti [Persecution of the Germans of the Tyumen oblast for religious reasons]. pp. 211-237. // Repressii protiv rossiyskih nemtsev: Nakazannyi narod. [Repressions against Russian Germans: The Punished people]. / Comp. I.L. Shcherbakova. M.: Chains, 1999. 288 p.[in Russian].
Fast V.G.Vera za koliuchey provolokoy: Bogosluzheniye veruyushih yevangel'skih techeniy v stalinskoye vremya v Karagandinskoy oblasti na "vole" i "zone". [Belief behind barbed wire: Worship of believers of evangelical movements in the Stalinist time in Karaganda oblast on the "freedom" and "prison"]. pp. 130-141 // Memory of victims of political repression. Materials of the scientific and practical conference. Karaganda, 2004. 253 p. [in Russian].
Licenberger O.Repressii protiv liuteranskih i katolicheskikh svyashchennosluzhiteley v SSSR [Repressions against Lutheran and Catholic clergy in the USSR]. pp. 200-211. // Repressii protiv rossiyskih nemtsev: Nakazannyi narod.[Repressions against Russian Germans: Punished people]. / Comp. I.L.Shcherbakova. - M.: Chains, 1999. – 288 p.[in Russian].

Nekrich A.M. Nakazannye narody. [Punished peoples]. New York: Chronicle, 1978. 170 p. [in Russian].

Orwell J. "1984" i esse raznyh let. ["1984" and essays of different years]: Translated from English/Comp. V. S. Muravyev; Preface of A.M. Zverev; Comment of V. A. Chalikova. M.: Progress, 1989. 384 p. [in Russian].

Severo-Kazakhstanskii gosudarstvennyi arkhiv [NKSA]. F. 195. In. 1. C. 87.

Zentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [CSA RK]. F. 1137, In. 18, C. 239.